

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

1001 ночь.

Рассказ об аль-Асмаи и трех девушках

Рассказывают также, что повелитель правоверных Харун ар-Рашид однажды ночью сильно томился бессонницей. И он поднялся с постели и стал ходить из комнаты в комнату, но не переставал тревожиться в душе великою тревогой, а утром он сказал: "Ко мне аль-Асмаи!" И евнух вышел к привратникам и сказал им: "Повелитель правоверных говорит вам: "Пошлите за аль-Асмаи!" И когда аль-Асмаи явился и повелителя правоверных осведомили об этом, он велел его ввести, посадил его и сказал ему: "Добро пожаловать! – а затем молвил: – О Асмаи, я хочу, чтобы ты рассказал мне самое лучшее, что ты слышал из рассказов о женщинах и их стихах". – "Слушаю и повинуюсь! – ответил аль-Асмаи. – Я слышал многое, но ничто мне так не понравилось, как три стиха, которые произнесли три девушки..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот восемьдесят седьмая ночь

Когда же настала шестьсот восемьдесят седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что аль-Асмаи говорил повелителю правоверных: "Я слышал многое, но ничто мне так не понравилось, как стихи, которые произнесли три девушки". – "Расскажи мне их историю", – молвил халиф. И аль-Асмаи начал рассказывать эту историю и сказал: "Знай, о повелитель правоверных, что я жил както в Басре, и усилилась однажды надо мною жара, и я стал искать места, где бы отдохнуть, но не находил. И я оглядывался направо и налево и вдруг заметил крытый проход между двумя домами, выметенный и политый, и в этом проходе стояла деревянная скамья, а над нею было открытое окно. И я сел на скамью и хотел прилечь, и услышал нежные речи девушки, которая говорила: "О сестрица, мы сегодня собрались, чтобы развлечься; давайте выложим триста динаров, и пусть каждая из нас скажет один стих из стихотворения, и кто скажет самый нежный и красивый стих, той будут эти триста динаров". И девушки отвечали: "С любовью и удовольствием!" И начала старшая, и стих ее был таков:

"Дивилась я, когда он меня посетил во сне,

Но больше б дивилась я, случись это наяву",

И сказала стих средняя, и был он таков:

"Меня посетил во сне лишь призрак один его.

И молвила я: "Приют, простор и уют тебе!"

И сказала стих младшая, и был он таков:

"Душой и семьей куплю того, кого вижу я

На ложе в ночи со мной, чей дух лучше мускуса",

"Если этот образ наделен красотой, то дело завершено при всех обстоятельствах", – сказал я про себя и, сойдя со скамьи, хотел уходить. И вдруг дверь открылась, и из нее вышла девушка и сказала: "Посиди, о шейх!" И я вторично поднялся на скамью и сел. И девушка подала мне бумажку, и я увидел на ней почерк, прекрасный до предела, с прямыми "алифами", вогнутыми "ха" и круглыми "уа" [569], а содержание записки было такое: "Мы осведомляем шейха – да продлит Аллах его жизнь! – что нас трое девушек-сестер, и мы собрались, чтобы развлечься, и выложили триста динаров и условились, что, кто из нас скажет самый нежный и прекрасный стих, той будут эти триста динаров. Мы назначили тебя судьей в этом деле; рассуди же как знаешь и конец". – "Чернильницу и бумагу!" – сказал я. И девушка ненадолго скрылась и вынесла мне посеребренную чернильницу и позолоченные каламы, и я написал такие стихи:

"О девушках расскажу я, как повели они

Беседу, приличную мужам многоопытным.

Их трое – как утра свет прекрасны лицом они;

И сердцем влюбленного владеют измученным.

Остались они одни (а спали уже глаза)

Нарочно, чтобы вдали от всех посторонних быть,

Поведали то они, что в душах скрывалось их,

О да, и стихи они забавою сделали

И молвила дерзкая, кичливая, гордая,

Открыла, заговорив, ряд дивных она зубов:

"Дивилась я, когда он меня посетил во сне,

Но больше б дивилась я, случись это наяву"

Когда она кончила, улыбкой украсив речь,

Промолвила средняя, вздыхая, взволнованно:

"Меня посетил во сне лишь призрак один его.

И молвила я: "Приют, простор и уют тебе!"

А младшая лучше всех сказала, ответив им,

Словами, которые желанней и сладостней:

"Душой и семьей куплю того, кого вижу я

На ложе в ночи со мной, чей дух лучше мускуса".

Когда обдумал я их слова и пришлось мне быть

Судьей, не оставил я игрушки разумному,

И первенство присудил в стихах самой младшей я,

И стал я слова ее ближайшими к истине".

И потом я отдал записку девушке, – говорил альАсмаи, – и она поднялась и вернулась во дворец, и я услышал, что там начались пляски и хлопанье в ладоши и наступило воскресенье из мертвых, и тогда я сказал себе: "Мне нечего больше здесь оставаться" И, спустившись со скамьи, я хотел уходить, и вдруг девушка крикнула: "Посиди, о Асмаи!" И я спросил ее: "А кто осведомил тебя, что я аль-Асмаи?" И она отвечала: "О старец, если имя твое от нас скрыто, то стихи твои от нас не скрыты".

И я сел, и вдруг ворота открылись, и вышла первая девушка, и было в руках ее блюдо плодов и блюдо сладостей. И я поел сладостей и плодов, и поблагодарил девушку за ее милость, и хотел уходить, и вдруг какая-то девушка закричала: "Посиди, о Асмаи!" И, подняв к ней глаза, я увидел розовую руку в желтом рукаве и подумал, что луна сияет из-под облаков. И девушка кинула мне кошелек, в котором было триста динаров, и сказала: "Это моя деньги, и они – подарок тебе от меня за твой приговор".

"А почему ты рассудил в пользу младшей?" – спросил повелитель правоверных. И аль-Асмаи сказал: "О повелитель правоверных, – да продлит Аллах твою жизнь! – старшая сказала: "Я удивлюсь, если он посетит во сне мое ложе", – и это скрыто и связано с условием: может и случиться, и не случиться. Что до средней, то мимо нее прошел во сне призрак воображения, и она его приветствовала; что же касается стиха младшей, то она сказала в нем, что лежала с любимым, как лежат в действительности, и вдыхала его дыханье, которое приятнее мускуса, и выкупила бы его своей душой и семьей. А выкупают душой только того, кто дороже всего на свете". – "Ты отличился, о Асмаи!" – воскликнул халиф и тоже дал ему триста динаров за его рассказ.